

R 443356
2

КОСТА ХЕТАГУРОВ

БЫТ ГОРНЫХ ОСЕТИН

(ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

ГОСИЗДАТ Ю. О. А. О.
СТАЛИНИР — 1939 Г.

Настоящий очерк впервые опубликован в газете
„Северный Кавказ“ в 1894 г., в №№ 59, 63, 75 и др.

Напечатан в переработанном виде в журнале
„Кавказский Вестник“ в 1902 г., в №№ 7 и др.

КОСТА ХЕТАГУРОВ

БЫТ ГОРНЫХ ОСЕТИН

(ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

ГОСИЗДАТ Ю. О. Д. О.
СТАЛИНИР — 1939 Г.

БЫТ ГОРНЫХ ОСЕТИН

(Этнографический очерк).

Правильное и всестороннее изучение кавказских туземцев в связи с их прошлым является весьма существенным фактором в деле наиболее успешного развития края. Интеллигентные туземцы—их теперь не мало—могли бы в этом случае оказать и правительству, и своей родине несомненно крупную услугу. Еще несколько десятков лет,—и заглянуть в прошлое туземцев Кавказа, доживших с незапамятных времен до XX столетия без своей собственной письменности, будет совершенно невозможно.

Приступая с своей стороны к подобному рода попытке, я заранее прошу извинения за безыскусственную передачу того, что с фактической стороны не подлежит сомнению. Будучи членом той среды, которую я намерен здесь описать, позволю себе привести ниже несколько биографических сведений из жизни отца моего, воспоминаниями и записками которого я пользовался, а также из моей собственной жизни.

Руководствуясь глубоким убеждением, что правильное изучение Кавказа для нас, туземцев, должно быть особенно дорого, я всякую разумную поправку в моих личных выводах приму с большой признательностью.

Нарская котловина. До проведения в пятидесятых годах XIX столетия Военно-Осетинской дороги, верховья Алагирского ущелья или т. н. Нарская котловина, замкнутая высочайшими снеговыми вершинами гор Адай-Хох, Зикара, Тепле и их отрогами, оставалась совершенно изолированной от остального мира. Перевалы Мамисонский, Рукский и Зикарский (все в Закавказье) только в летние месяцы были доступны для переправы пешком с навьюченным ослom или лошадыю. Касарское ущелье, по которому теперь извивается Военно-Осетинская дорога, и Куртатинский перевал были еще менее доступны.

Представляя довольно плодородную субальпийскую котловину, площадью в горизонтальном сечении более 600 кв. верст, пересеченную в разных направлениях восемью более или менее глубокими ущельями с превосходными пастбищами на водоразделах, а прежде и лесами, эта горная трущоба как нельзя больше отвечала тому идеалу изолированности и неприступности, которым не мог не дорожить всякий, кого судьба забрасывала на Кавказ, на эту арену нескончаемых ожесточенных войн.

Благодаря таким топографическим и почвенным особенностям Нарской котловины, жители ее, при господствовавшем повсюду произволе, имели полную возможность избегать общений с соседями и вследствие этого сохранить в продолжении длинного ряда поколений свою независимость извне, а с нею и свою самобытность во всей ее неприкосновенности, вплоть до нашего поколения.

Сравнительно частое сношение осетины Нарской котловины имели только с южными сородичами, подпавшими под власть Грузии, и с самими грузинами, главным образом, ведя с ними меновую торговлю или поступая по найму в ряды грузинских войск во время войн с Персией или Арменией. Не только власть чужеземных повелителей никогда не проникала в Нарскую котловину, но даже самые могущественные из осетинских царей не предъявляли никаких прав на нее. До самого последнего времени в нарской церкви хранилась грамота Екатерины Великой, пожалованная представлявшейся ее величеству депутации нарских осетин. Несмотря на это, Нарская котловина, только спустя почти полвека после присоединения Грузии к России, была причислена к Горийскому уезду. Пристава из грузин, назначавшиеся в Нарскую котловину, благоразумно уходили на родину, чтобы не быть подстреленными, по примеру своих предшественников.

Главноуправляющий в Грузии, генерал от инфантерии барон Розен 4 ноября 1835 года сообщил Грузинскому дворянскому депутатскому собранию по оводу ходатайства Бес-

сарiona Хетагурова о правах дворянства, — что последний „есть из нарских осетин, которые никаких податей в казну не платят и даже приставам, потому требуемое собранием по делу о дворянстве дознание не может быть доставлено и совершенно излишне“. Только с проведением Военно-Осетинской дороги осетины Нарской котловины с полным доверием вступили в число верноподданных всероссийского императора, хотя и до этого времени несколько нарских осетин служило в рядах русской армии.

На жизни и истории этих-то осетин Нарской котловины я намерен остановить внимание читателя.

Поселения. Каменные постройки в один и несколько этажей с плоскими крышами, живописно гнездящиеся на скалистой крутизне или амфитеатром сгруппированные на гребне утеса, образуют в Нарской котловине то множество мелких поселений, которое составляет выдающуюся особенность горной Осетии. На квадратной версте таких поселений можно насчитать с десяток. Каждая семья, захватив известный район, селилась особняком и затем, разветвляясь по мере своего разрастания, за недостатком места в родовом поселении, строила в возможной к нему близости новый отселок. Это очевидно из того, что в Нарской котловине нет почти ни одного поселения, жители которого не были бы связаны самым близким родством. Родственная же близость жителей разных поселений в громадном большинстве совершенно соответствует взаимному расположению и близости (их) к старейшему родовому поселению.

Карнизы утесов, крутизны и гребни скал, безопасные от снежных, земляных и каменных завалов, и сползания почвы, непригодные для обработки и менее доступные для нападения, были наиболее предпочитаемы для поселений.

Сословная рознь. Постройки в 3—4 этажа, а тем более, боевые башни в 6—7 ярусов, принадлежали многочисленному и богатому роду. Хозяева таких замков, естественно, пользовались наибольшим влиянием и почетом. Переходя от поколения к поколению, это предпочтение сильного и богатого слабому и бедному, конечно, должно было здесь создать ту рознь, которую многие приписывают чужеземному происхождению, настаивая на том, что влиятельные осетины происходят от разных инородных султанов, шахов, беков, ханов, принцев, князей и т. д.

Селение Нар с окружающими его родственными отселками многие столетия служило законодательным центром и охраной народных традиций не только для Нарской котловины, но и для многих примыкающих к ней южных и северных ущелий.

Производя себя от переселившегося из-за Кубани княжича Хетага, нарцы-Хетагуровы и в настоящее время добиваются дворянства, ссылаясь на соответствующие грамоты грузинских царей, дарованные за военные услуги задолго до присоединения Грузии к России.

Сам Хетаг, по уверению его потомков, был младшим сыном князя Инала, жившего за Кубанью на притоке последней—Большом Зеленчуке. Приняв христианство, Хетаг бежал от преследования своих братьев в горную Осетию. Старший брат Хетага—Биаслан считается родоначальником кабардинских князей, а второй, Асламбек, остался бездетным. Место первоначального пребывания Хетага в тепещней Осетии до сих пор считается святыней. Это—совершенно обособленная, великолепная роща с многовековыми гигантами в Куртатинской долине. Эта „куща Хетага“, как гласит народное предание, по зову Хетага выделлась от леса и укрыла его от преследования шайки кабардинских разбойников. Несмотря, однако, на такую легендарность личности Хетага, потомки его поименно перечисляют всех членов, идущих от его поколений. Я, например, являюсь одним из многочисленных членов десятого поколения и могу перечислить свсих предков: 1) Хетаг, 2) Георгий (единст. сын), 3) Мамаи и брат его, 4) Гоци и три его брата, 5) Зида (Сида) и два его брата, 6) Амран и четыре его брата, 7) Асса и брат его, 8) Елизбар и три его брата, 9) Леуан (отец мой) и брат.

Хетаг, говорят, проник в Нарскую котловину через Куртатинский перевал, так как другой путь по Алагирско-Касарскому ущелью был менее доступен и по природным, и по искусственным преградам. На это указывает и то, что осетины Куртатинского ущелья особенно свято чтут память Хетага. В Нарской котловине указывают и теперь в сел. Слас на постройки, возведенные Хетагом. Указывают и место, где Хетаг убил оленя,—это подножье той скалы, на которой теперь громоздится сел. Нар. Здесь указывают также на воздвигнутую Хетагом постройку, где он поселился. В преданиях нет никакого намека на то, чтобы Хетаг отличался военными доблестями или участвовал в походах и сражениях. Напротив, он славился своим незлобием. Однажды, взамен трех невольников, проданных им в Тифлисе, Хетаг получил, кроме платы, следующий совет: „Когда ты рассердишься, то левой рукой удерживай правую“.—Это наставление спасло жизнь его сыну, который настолько вырос за его продолжительное отсутствие, что Хетаг, по возвращении домой ночью, застав его спящим на одной постели с матерью, хотел заколоть его, но, вспомнив совет, положил оружие в изголовьи спящих, вышел и всю ночь

провел на берегу реки. Утром все разъяснилось к общему счастью. Участие нарских осетин в рядах грузинских войск по найму или волонтерами относится ко временам правнука Хетага — Гоци, который, будучи небольшого роста, сразил в единоборстве персидского великана и получил от грузинского царя с соответствующей надписью и грамотой серебряную чашу. Чаша цела, и до сих пор переходит по наследству от отца к старшему сыну. Из грамот грузинских царей, уцелевших в фамилии Хетагуровых, самая ранняя — пожалованная царем карталинским Арчилом (1730—1736) „В знак нашей милости нарскому дворянину Хетагуру-Зидахану (Зида) и потомкам дома вашего“ и т. д. Сын Арчила Александр пожаловал грамоту нарскому дворянину Аса Амиранову в том, „что отцы и деды Ваши служили отцам и дедам нашим с таким тщанием, что дом наш по сие время находится вне всякой опасности, почему“ и т. д. Царь карталинский Таймураз пожаловал „жителям Нар, дворянам Георгию и Амрану Зидахановым сию грамоту за то, что вы служили нам верою и правдою“ и т. д. Александр, внук царя Вахтанга, пожаловал грамоту „нарскому князю Махамату Зидаханову в том, что отец и деды ваши служили отцам и дедам нашим самопожертвованием, отчего дом наш был всегда невредим“ и т. д.

Приведенные грамоты грузинских царей, как жалованные последними еще до присоединения Грузии к России, дают неоспоримое право фамилии Хетагуровых, начиная от Зида, пользоваться дворянским званием, а с Махамата — титулом князя. Однако, в виду запутанности дела о сословных правах туземцев Терской и Кубанской областей, нарцы-Хетагуровы на свое семидесятилетнее (с 1829 г.) ходатайство о признании их дворянами все еще ожидают ответа, как и все другие претендующие на дворянство туземцы.

В Нарской котловине существуют следующие сословия:

1. Стыр или тыхджын мыггаг — большая или сильная фамилия.
2. Фарсаг — (от фарс — бок, сторона) — находящийся сбоку, живущий около, действующий заодно.
3. Кавдасард — рожденный в яслях.
4. Алхад, саулаг, цагайраг — купленный, черный мужчина, сахарец.

Стыр мыггаг. Члены такой фамилии, будучи более обеспечены материально, одевались чище и богаче, располагали лучшим вооружением, пользовались в народе почетом. К ним обращались за советом, их приглашали судить и примирять враждующих. Поручительство их было надежно, покровительство — прочно, ссориться с ними было опасно. Лучшие нивы, леса, луга и пастбища принадлежали

им. Поселения их были неприступны, башни „литые“ — из тесанного камня, на известковом цементе. В набегах за перевалами главную и руководящую силу составляли они и при делёже добычи львиная доля доставалась им. Кровь их ценилась выше иной, ирад (калым) их девушек достигал высшего предела.

Фарсаг. Фамилии, носившие это звание, были малочисленнее и беднее первых, хотя общее число фарсагов составляло громадное большинство населения как Нарской котловины, так и всей Осетии. Поселения их не имели боевого расположения, земельная собственность их как по количеству, так и по качеству далеко уступала владениям сильных. Податей они, как сильные, никому не платили и были фактически совершенно независимы. Находясь под покровительством сильных, они в прошлое тревожное время пользовались их поддержкой. Фарсаги в свою очередь оказывали услуги сильным во время их работ, в особенности при постройках башен, при столкновениях с другими сильными и в походах за перевалы.

Чем больше было у сильного рода покровительствуемых фарсагов и чем установившиеся между ними отношения были теснее и сердечнее, тем все они были лучше обеспечены от произвола и насилия других сильных фамилий, а также от посягательств на их независимость и имущество их из-за перевалов...

Кавдасард. Отец его зачастую был лучшим представителем сильной фамилии, но матерью его была всегда номылус — „жена по имени“. Бралась такие жены из тех же кавдасард или из очень бедных фарсаг. Число жен, хотя и не было ограничено обычаем, но редко кто имел больше одной. По положению своему в семье номылус очень близко походила на наложницу, но не была с ней вполне тождественна, в смысле большей свободы личности. При всякой возможности сделаться чьей-либо законной женой, ее всегда отпускали и при этом, обыкновенно, наделяя ее приданым, зачастую еще помогали и родным ее похуже справиться свадьбу.

Положение детей от номылус, помимо их оскорбительной клички — „кавдасард“, было вообще тяжелое. Они росли, выходясь из сил в непосильной работе. Девушка обыкновенно выходила замуж за такого же по происхождению молодого осетина, как сама, или становилась „женой по имени“ какого-нибудь старика из сильной фамилии. Редко ей выпадало счастье выйти за приглянувшегося ей молодого фарсаг, хотя бы и крайне бедного, но за то без обидной клички „кавдасард“. Мальчик оставался в доме своего отца, рос, работал, мужал и, если после совершеннолетия находил

для себя лучшим отделиться и жить самостоятельно, то это ему разрешалось беспрепятственно. Часть, которую по обычаю должны были ему выделить из общего имущества семьи, была так незначительна, что он обыкновенно предпочитал оставаться в доме отца или до выделения ему большего пая, или даже до конца жизни.

В общественной жизни он не имел никакого значения. При всем том он пользовался полнейшей свободой.

Алхад, саулаг, или цагайраг был еще больше обижен судьбой. Приобретенный где-нибудь на стороне, купленный или похищенный ребенок, или даже взрослым взятый в плен во время набега в какое-нибудь отдаленное ущелье, всегда иной национальности,—этот несчастный алхад делался жертвой полнейшего произвола своих хозяев, это был безусловно раб, которого можно продать, купить, убить и помиловать. Обычные названия—„саулаг“, „алхад“ или „цагайраг“ и „уацайраг“ показывают на несомненно негритянское происхождение этих невольников. Есть, впрочем, в Осетии местности, где купленных называли „гурдзиаг“ — грузин. Впрочем, во всей Осетии таких бесправных рабов можно было насчитать не более двух-трех десятков.

Жилище и утварь. Недостаток места и чувство самосохранения выработали здесь такое поразительное умение пользоваться каждым выступом, каждой впадиной скалы, что на плоскости горизонтального сечения аула, не превышающей 200—300 кв. саженей, нередко помещается 10—12 дымов со всем их движимым имуществом.

Постройки, за самым ничтожным исключением, все каменные с плоскими крышами. Стены выведены из плитняка без цемента, если не считать щебня и земли, которыми заполнены щели. Редкое исключение составляют башни, выстроенные из тесанного камня на известковом растворе. Все постройки, в особенности башни, имеют вид усеченной пирамиды; это делается с целью большей устойчивости. Поверх стен проложены балки, поддерживаемые центральным, а иногда и угловыми столбами; на балках положена настилка из кругляков и в очень редких случаях из пластин; на кругляках лежит хворост вперемешку с соломой и, наконец, слой земли, глины, с мелким щебнем, который, при тщательной трамбовке, позволяет достигнуть полной гарантии построек от течи.

Плоскость крыш несколько ниже уровня стен; для стока воды в углах сделаны желобки. Наружной смазки нет; внутренние стены жилых помещений смазываются глиной с примесью свежего навоза. Двери низкие, неуклюжие, исключительно топорной работы, без участия пилы и рубанка, и без железных частей в виде петель или гвоздей,

замков и проч. Небольшое четырехугольное отверстие в стене, по возможности к солнечной стороне, с внутренней деревянной или каменной ставней для защиты от холода, заменяет световое окно. В крышах жилого помещения имеется еще и третье отверстие—дымовой проход, который на поверхности крыши окружен небольшим барьером, не позволяющим сточной воде попадать в это отверстие. Во время сильного дождя, большого холода и вьюги отверстие это отчасти или совсем прикрывается каменной плитой. Вот приблизительный тип постройки вообще в горной Осетии, а в частности и в Нарской котловине. В аулах вы не найдете ни улиц, ни дворов, не определите, какому хозяину принадлежит та или другая крыша или стена. Вы видите окошечко сакли, но без проводника не найдете ее дверей. Ярусы так перепутаны между владельцами, что, вы, желая, положим, попасть к своему знакомому во второй этаж, можете предварительно очутиться на крыше третьего этажа, служащей двором для дяди вашего знакомого, или в нижнем этаже наткнуться на корову его двоюродного брата. Вы будете не раз карабкаться по скале, заменяющей лестницу, минуете несколько темных проходов и очутитесь под каким-нибудь навесом в виде открытой галлерей, высоко над бешено бушующим горным потоком. Здесь вы можете заметить на полу сбитую из двух досок прокопченную ставню; ее легко приподнять и из темного отверстия под нею, в густом облаке дыма, перед вами может появиться ваш знакомый.

Зайдите в первую попавшуюся дверь в фарсаг-ауле. Нагнитесь больше, чтобы не удариться о притолку. Сенцы перегорожены жердями или плетнем. В первом отделении вас удивленно встречает корова, из второго на вас сквозь перегородку смотрит несколько пар добродушных глаз овец и коз. Здесь же, в углу, валяются плиты кизяка и хворост для топлива. Нагнитесь опять, чтобы войти в следующие двери. Вначале до того темно, что вы ничего не можете разглядеть... Единственное отверстие в южной стене по случаю дурной погоды заставлено не то камнем, не то доской... Кизячный дым ест глаза, раздражает слизистую оболочку в носу, стесняет дыхание.

Направляйтесь прямо к тлеющему огоньку, иначе вы можете набрести на теленка в правом углу или на постельные принадлежности в левом. Пока дойдешь до центрального столба, поддерживающего продольную балку крыши, зрачки ваши расширятся и вы свободнее можете ориентироваться. От столба до задней стены хадзар (сакля) делится очагом на две половины: левая—мужская, правая—женская. Первая—с деревянной или каменной лавочкой вдоль

стены, а вторая без всяких приспособлений для сидения. Пол очага выложен большими плитами, на которых, недалеко от центрального столба, параллельно задней стене, лежит длинный камень, замыкающий очаг со стороны входа. От дымового отверстия к очагу спускается железная цепь с плоской скобкой на конце. Вся цепь покрыта густым слоем сажи; балки и кругляки в потолке блестят, как полированное черное дерево. Огонь в очаге поддерживается неугасаемо, пылающие угли на ночь зарываются в золу и этим сохраняется в них горение до следующего утра. Очаг и цепь на нем составляют величайшую святыню каждого осетина.

Вся стена, замыкающая женскую половину, увешана мелкою утварью: деревянные чашки, блюда, ковши, ложки, воловьи рога, столик о трех низеньких ножках, каменная тонкая плита в железной оправе в виде стремени, небольшое с крышечкой деревянное ведерко и т. п. На полу вдоль той же стены расположены разной формы и размера медные котлы, глиняные кувшины, плетушки, выдолбленные из обрубков ясеня и березы корыта, ведра, кадушки и проч. На стене мужской половины вы найдете шашку, пистолет или ружье в старом чехле, туры рога, а иногда и фандыр—музыкальный инструмент.

Существенное отличие жилищ сильных от прочих выразилось в том, что у них для лошадей, рогатого скота, овец и коз имелись конюшни, базы и овчарни, следовательно, их хадзар не был пропитан ароматом навоза. Кроме хадзара у них были и другие, более чистые помещения—уат с камином для женатых членов семьи, а для гостей такой же конструкции узагден, убранный коврами и дорогим оружием. Нужды нет, что конюшня, хлев и овчарня помещались в нижнем этаже, хадзар в третьем, узагдон и галлерея в другом корпусе, и кладовая в пещере под башней. Зато все это прочно и недоступно для неприятеля. В хадзаре и узагдоне, вместо простой скамьи, можно встретить своеобразные кровати, диваны и кресла с оригинальной резьбой. Утварь здесь многочисленнее, разнообразнее и ценнее, здесь было больше золота, серебра, меди, железа и стали в виде громадных котлов для варки пива, холодного и огнестрельного оружия, кувшинов и т. д.

При особом доверии и расположении владелец сакли может показать вам несколько серебряных вещей: тяжелый кованый пояс, кубок, ковш, старинные монеты и т. п. хазна, достававшаяся его предку после набега на владения какого-нибудь грузинского князя. Но никакой дружбой вы не достигнете, чтобы он показал вам камень счастья—цыкуррай-фардыг (буса изобилия и счастья), который он хранит,

как говорится, за семью замками от всякого постороннего глаза. Это его неоценимое достояние и величайшая домашняя святыня, которую даже его семья имеет право созерцать с благоговением и с молитвенными приношениями только один раз в году. Камень этот, величиною от горошины до голубиного яйца, имеет слегка желтоватый оттенок и небольшую прозрачность; он испускает в темноте довольно сильный фосфорический свет. Встречается очень редко и, по народному поверию, достается „счастливицу“ с опасностью для жизни, добывается из зева самых ядовитых змей. Окружая целыми десятками „свою старшую сестру“, которая держит во рту эту „бусу изобилия“, они с ожесточением бросаются на всякого, кто пытается отнять у них это „сокровище“. Змея эта, говорят, водится в Индии. Охотясь по ночам на насекомых, она держит во рту этот светящийся камешек.

У тыхджин мыггаг имелась фамильная башня, 5—7 ярусов, в которой могли при обороне от неприятеля укрыть все население аула с его утварью и жизненными припасами. В настоящее время в Нарской котловине, да и во всей Осетии, нет ни одной сохранившейся в целости башни: все они по распоряжению русского правительства были разрушены в сороковых и пятидесятых годах прошлого столетия.

Жилищем отделившегося от отца кавдасарда на первое время служил обыкновенно какой-нибудь старый, заброшенный хлев с единственным отверстием, заменявшим и двери, и световое окно, и дымовой проход, с плетневой заслонкой на ночь и от непогоды. Котелок, деревянное ведро, две-три деревянных чашки, плетенки для зерна и муки, топор, ремень, коса и серп— вот приблизительно весь его инвентарь.

Одежда. Ермолка из грубого сукна, из такого же сукна черкеска до колен, с несколькими газырями, надетая прямо на голое тело, суконные штаны, такие же ноговицы, кожаные арчита (обувь) с ремешковым переплетом и пучком мягкой шелковистой травы, вместо чулок, кинжал, шашка, винтовка и пика в $1\frac{1}{2}$ сажени длиной с железным заостренным наконечником— вот все одеяние и вооружение молодого джигита минувшего времени Нагрудник, а тем более целая рубаха составляли роскошь очень немногих, которые надевали их только по большим праздникам, в торжественных случаях. Иногда у целой фамилии была всего одна рубаха или нагрудник; тогда пользовались им по принятому порядку и даже давали их в временное пользование постороннему лицу в виде особенного одолжения. Бешмета теперешнего совсем не существовало; бурки были редки;

короткий полушубок из овчин дополнял зимою наряд молодого осетина; длинные, до самых пят и широкие тулупы были исключительной принадлежностью стариков. Наиболее бедные и зимою, и летом ходили в тулупах, за неимением другой одежды.

Женщины одевались лучше: рубаха из бязи, синего или зеленого цвета, короткий бешмет из грузинской материи „сурма“ и „лаина“, красные штаны из грубой „сила“ (тоже грузинской), черная повязка, из-под которой по щекам падали два выющихся локона, белый коленкоровый платок, чевяки из телячьей кожи и такой же передник до колен. Девушка, вместо повязки, носила шапочку из разноцветных лоскутков и ровно подстриженный чуб, вместо локонов.

Траурный наряд женщины составляли длинная рубаха из грубого черного сукна и черный платок. Шелк и серебро встречались только в свадебных и очень редко в погребальных нарядах.

Пища. „Съешь за ужином целый „кардзын“, если у тебя на завтра остается еще полкардзына“, говорит осетинская поговорка, которую жители Нарской котловины охотно применяют в жизни. Кардзын—лепешка из ячменной, просяной или кукурузной муки, величиною с чайное блюдце, и до сих пор является главной пищей осетин. В Нарской котловине, как и вообще в горной Осетии, в силу климатических условий, употреблялся до позднейшего времени исключительно кардзын ячменный или, как его принято называть, „твердый“. Приготовление его самое примитивное: просеянная мука разбавляется теплой водой с примесью небольшого количества соли; тесто тщательно мнется и сбивается в лепешки; последние подрумянивают на подогретой каменной плите (в железной оправе в виде стремени) и затем выпекают в горячей золе. Такая лепешка с кусочком сыра или с чашкой сыворотки хлебного кваса, а то и просто ключевой воды составляла обыкновенно обед и ужин взрослого осетина. Немаловажную роль в осетинской кухне старых времен играл и овес, из которого готовились три наиболее в народе популярные блюда: **блумык**, **хомыс** и **калуа**. Для изготовления этих яств овес предварительно варится в зерне, вылущивается и идет в помол; мука просеивается и поступает на стол как кушанье. В первом случае в одной половине деревянной чаши кладется мука, в другую наливается квас; чашка снабжается ложкой; каждому предоставляется полная свобода разбавлять „блумык“ по своему вкусу. Комок липкого теста из тех же составных частей, предварительно мятый, идет в пищу под названием „хомыс“. Такое же тесто, только более густое, рассыпчатое, составляет третье блюдо — „калуа“. Из ячмен-

ной солодовой муки пеклись лепешки под названием „задын“. Они на вкус несколько сладковаты, рыхлы, а главное, неудобоваримы. Пшеничные лепешки, пироги всевозможных сортов (с мясом, сыром, копченым салом и разною зеленью) были достоянием богатых. Бобы, горох, а позднее и картофель попадали в Нарскую котловину из Грузии и Южной Осетии и поступали в пищу в виде начинки пирога и приправы к „дзарна“ (похлебки из разных кукурузных и пшеничных зерен). Из этих же зерен готовляли „цаку“, поджаривая их в сухом виде в котелке или на плите. Похлебка со всевозможными приправами и различные виды киселя—„цымга“ были в большом употреблении. Мясо появлялось только на свадьбах, поминках и в большие праздники. Поедалось оно с большой жадностью и без остатков, сколько бы его ни было. Редко кому удавалось заготовить себе на зиму лакомые копченки из необыкновенно вкусной здесь баранины, говядины и превосходной дичи (тур, олень, дикая коза, серна, лань). Чаще встречались подвешанными к потолку над очагом, завернутые в сальник, круги нетопленного сала и связки колбасы разной длины и толщины. Исключая мелких кур в Нарской котловине не имелось другой домашней птицы. Яйца служили большим лакомством для детей. Огородов в Нарской котловине не было совсем; сады упоминались только в сказках. Дикорастущая зелень в сыром и вареном виде, орехи, ягоды и корни разнообразили пищу осетин. Дикий мед служил лакомой приправой блюд. Из напитков осетины с особенным искусством готовили пиво, пользуясь дикорастущим хмелем, и арак—обыкновенную неочищенную водку в 20—30 градусов, исключительно из ячменя. В двойной перегонке арак достигает до 60 и больше градусов и содержит незначительное количество сивушного масла.

Хозяйство. В Нарской котловине, как и во всей горной Осетии, до сих пор сохранилось только частное землевладение. Покосы, пастбища и леса находятся в безраздельном пользовании отдельных фамилий, а пашни составляют собственность исключительно подворную. Значительная высота местности над уровнем моря, большое падение склонов и почти полное отсутствие чернозема делают здесь занятие хлебопашеством возможным только при необыкновенно тщательном уходе за землей. Несмотря на это, ни один клочок ее, где только может рядом пройти пара быков и хоть на $1\frac{1}{2}$ вершка врезаться соха, не остается здесь праздным. Пашня ежегодно по несколько раз очищается от щебня, заносимого ливнями, тающим снегом и завалами, систематически удабривается навозом и, если есть какая-нибудь возможность, орошается искусственно. За отсут-

ствием дорог и за полнейшей невозможностью, благодаря очень крутым подъемам, пользоваться телегой, навоз в большинстве приходится доставлять из аулов на собственных спинах, в особой плетенке—таски. Всходы стараются полоть не меньше двух-трех раз. Во избежание потравы, нивы, лежащие близ аулов, дорог и выгонов, обнесены каменной оградой. При всем этом рост хлебов редко достигает 3 четвертей, а урожай его, если он успевает созреть, если его не прихватило морозом, не выжгло солнцем, не смыло ливнем или шальным, разбушевавшимся потоком, если его не уничтожило, наконец, градом,—редко превышает сам-четыре. По окончании жатвы, хлеб обыкновенно на снях (колес здесь раньше совсем не применяли, да и теперь редко встречающиеся здесь арбы могут двигаться только на очень ограниченном пространстве по долинам некоторых рек), а то просто волоком, на особых плетенках, в виде китайского веера (из березового хвороста) — маки, стягивался в снопах к аулу, на гумно и здесь его немедленно молотили. Молотьба производилась посредством нескольких голов рогатого скота, которых привязывали в ряд по радиусу круга, занятого разбросанными снопами, и погоняли так, чтобы они описывали концентрические круги; самой смирной корове отводилось крайнее место у центра, а самому бойкому бычку приходилось скакать по окружности. Скот весь был снабжен намордниками, не позволявшими лакомиться добром хозяина. Погонщик—обыкновенно подросток—очень хорошо следит за своей рогатой командой и, вооруженный хворостиной и плетеным веером, не позволяет нарушать порядок и наваживать хлеб,—во-время подставляя веер. Солома и мякина складывались для зимнего корма; зерно очищалось, проветривалось, просушивалось, сортировалось и ссыпалось в смазанные плетенки—куту, которые заранее распределялись по периодам продовольствия семьи до будущего урожая и на посев. Вскрытие «куту» не в срок могло быть только по самой крайней необходимости. Мельницы—крюй горной Осетии поражают своей малостью и простотой конструкции. По внешнему виду они очень мало отличаются от деревенского курятника: низенькие до смешного двери и ни одного светового отверстия, если не считать многочисленных щелей в стенах, а иногда и в полу. Строятся они большей частью в один постав, составляют собственность отдельной семьи, а чаще целого союза родственников. Верхний жернов, толщиной в $1\frac{1}{2}$ —2 вершка и около $\frac{3}{4}$ аршина в диаметре, прикреплен к вертикальной оси, которая проходит сквозь нижний постав и под полом заканчивается чурбаком, к которому приделаны, в виде спиц, небольшие лопатки. Вода, сбегая по кру-

тому, выдолбленному в бревне желобу, поступает в нижний этаж мельницы, ударяется о лопатки и приводит ось в вращательное движение. Ось поддерживается рычагом, который посредством ручки, идущей от него через пол в верхнее отделение, по мере надобности опускается или поднимается, позволяя таким образом получать мелкую или крупную муку. Падение зерна из висячей конусообразной плетенки производится посредством деревянного молотка, приводимого в сотрясение движением верхнего жернова, передающего это сотрясение желобку, которым оканчивается устье плетенки. Приведение желобка посредством приспособленного для этого шнура в более или менее наклонное положение регулирует силу падения зерна.

Покос и доставка сена сопряжены с еще большими неудобствами. В Нарской котловине многие косят на таких крутизнах, что при всей ловкости и умении осетин держаться на них, косарю зачастую приходится прибегать к помощи веревки. Веревка его для воды непременно снабжена ремешком с колышком, который при надобности вбивается в землю и таким образом удерживает его от падения в пропасть. Коса осетинская косит на обе стороны. Тщательно сгребая каждую былинку вилами и граблями, все сено сначала собирается в маленькие кучки для окончательной просушки. Небольшое ненастье, и от них очень часто не остается следа: мелкое шелковистое сено, как пух, разносится ветром по ущелью. Приходится как можно поспешнее складывать его в копны. Для этого заранее нужно приготовить необходимое количество маки — веерообразных плетенки из березового хвороста. Плетенки доставляются на место покоса людьми на спинах, причем один взрослый рабочий может поднять за раз только 3—4 плетенки. На этих плетенках сено складывают небольшими копнами, скрепляя их свитыми из того же сена канатами. Если позволяет местность, то копны по возможности скорее стягиваются волоком на дно ущелья, откуда уже доставляются в аул на санях волами. При менее благоприятной местности, когда путь по дну ущелья не представляет соответствующих удобств, тогда плетенки с копнами располагаются группами на безопасных от снежных завалов местах, на гребнях ложбин, и там оставляются до зимы. После нескольких завалов, когда дно ущелья заполняется сплошь глубоким и плотным слоем снега, когда скат в ущелье принимает совершенно гладкую снежную поверхность, осетины задолго до рассвета выходят из аула и, местами прибегая к помощи плетеных лыж, шестов и посохов с железными наконечниками, с большим искусством добираются до места расположения копен, покрытых уже зачастую таким глубоким снегом, что

никакой опытный глаз не определит их присутствие под поверхностью снега. Их приходится разыскивать шестом, и достаточно, конечно, найти одну копну, чтобы по известному их числу и расположению, легко отыскать остальные (располагаются они всегда правильными рядами). Каждый ряд, копен в 8—10, дружной работой лопатами совершенно высвобождается из-под снега, сдвигается несколько ниже по направлению спуска и прочно сцепляется ремнями. Затем к каждому ряду становится по два человека, которые стягивают копны к спуску. Как только копны начинают двигаться своею тяжестью, один из них вскакивает на вторую от начала копну, а другой на предпоследнюю и импровизированный поезд с быстротой молнии несется в бездну ущелья. Такая работа не обходится, конечно, без несчастий. Чаще всего достается второму „кондуктору“, которому необходимо иметь большую ловкость, чтобы во-время и удачно вскочить на свою копну, которая в это время стремительно мчится мимо него. В том случае, если снегу не везде достаточно и не все переправы сглажены надлежащим образом, приходится прибегать к помощи саней. В первом случае к каждой плетенке с копной припрягается по одному волу.

Особенно жестоким бичем для горной Осетии являются снеговые завалы. Сколько потрясающих рассказов существует о них в народе, сколько несчастных случаев, повторяющихся из года в год! Во многих аулах после выпадения снегов и в ожидании завала прекращается иногда на целую неделю всякое сообщение с другими аулами, скотину перестают выгонять на водопой, для нее приходится оттаивать в котлах снег. Есть аулы в горной Осетии, жители которых в продолжении зимних месяцев совершенно не отлучаются из своих жилищ. Несмотря на такую осторожность, страшная стихия ни одну зиму не обходится без человеческих жертв. Жертвою завалов делались неоднократно целые аулы со всеми постройками и движимым имуществом¹.

При описанных обстоятельствах в Нарской котловине немислимо, конечно, заниматься скотоводством в широких размерах. Лошадь, пара малорослых быков, столько же мелких коров, несколько десятков овец и коз составляют крупное хозяйство. Большая же часть жителей имеет не

¹ В конце пятидесятых годов в Нарской котловине был снесен завалом самый большой аул Джинат, погибло свыше сорока семейств. Завал прошел ночью, и на том месте, где стоял аул, на утро осталось только большое черное пятно обнаженной земли. Уцелела только одна семья, старик и старуха, и то благодаря тому, что спали под скалой.

более двух голов рогатого скота и несколько коз, Осетины, имеющие только по одному быку, вступают между собою в товарищества—цадис амбал на время производства работ, а неимеющий совсем рабочей скотины возмещает прокат пары быков с сохой или с саями каким-нибудь личным трудом; впрочем безвозмездное пользование чужой рабочей скотиной и хозяйственными орудиями было прежде в обычае. Всю долгую зиму скотина питается тощим кормом—соломой с примесью сена.

Если оттепель обнажает южные склоны гор, то овцы и козы пользуются подножным кормом и тем дают возможность рассчитывать на благополучный исход зимы для всей скотины. С падением последних завалов, самых опасных и разрушительных, сдирающих при стремительном сползании верхние покровы горных скатов, устанавливается уже более правильное пользование подножным кормом. В каждом ауле или даже совместно в нескольких нанимаются на все лето два мальчика пастушка 11—12 лет, которые ранним утром отправляются со своими стадами на общие фамильные пастбища. Кормятся и ночуют пастушки поочередно у всех хозяев.

Навоз из под крупной скотины приберегается для удобрения, а из под мелкой—на топливо в виде плиток кизяка.

Из молока с начала лета готовят известный осетинский сыр, а осенью—сбивают масло, которое сейчас же растапливается, сливается и хранится в глиняной посуде. Сыворотка поступает в пищу и в рассол для хранения сыра, а сыр и масло по возможности стараются расходовать так, чтобы их хватило до великого поста. Для масляничной недели сохраняется особая порция этих продуктов, которая ни в коем случае не может быть расходована раньше времени.

Олечья шерсть и козий пух идут на приготовление сукна; оечина—на шубы; козловая и телячья шкуры поступают на приготовление мешков, бурдюков, женских передников и чулок; еслосья—на ремни и мужскую обувь.

Лошадь была прежде роскошью. Она применялась только для верховой езды и перегозки вьюков. Ни мясом, ни маслом, ни кожей ее не пользовались. Осел встречается редко. Не в большом авантаже и свинья, которая также встречается редко и держится всегда на привязи; только под новый год почему-то предпочиталось заколоть вместо барана свинью; к этому времени каждый старался получше откормить свою свинью. Из домашней птицы в Нарской котловине, как я уже говорил, встречались только мелкие куры и то в ограниченном количестве.

Детство. Несмотря на то, что отец и мать мои принад-

лежали к „сильным“ и „большим“ фамилиям в Нарской котловине, отец, помимо того, был офицером русской службы, я все-таки родился в „яслях“, в хлеве. И навряд ли во всей Нарской котловине найдется кто-либо, кто до меня, да и много позднее меня, родился не в хлеве. Объясняется это тем, что в Нарской котловине тех времен совершенно не было другого более удобного, изолированного помещения для этого величайшего акта природы. За несколько недель до родов женщина, хотя не всегда, освобождается от тяжелых работ, а в период ожидания совершенно отделяется от семьи. В наиболее уютном и чистом хлеве разводится огонь и делаются необходимые приготовления. Приглашается опытная бабка и устанавливается постоянное дежурство из взрослых девушек и женщин—родственниц роженицы. Весть о появлении на свет ребенка мужского пола встречается в семье и всеми родными с величайшей радостью. Со всех сторон являются с поздравлениями и радостное событие обыкновенно сопровождается пиршеством. Мальчишки-подростки иногда целые зимние ночи дрогнут у дверей хлева, чтобы перехватить первую весть о рождении мальчика и первыми же явиться с нею к ближайшим родственникам новорожденного и получить подарок за первое известие о „рождении хорошего мужчины“ (хорз-лаг-гураггар). Рождение девочки встречается далеко не так радостно и, конечно, без раздачи подарков. Через неделю после родов больную обыкновенно переводят в хадзар, и укладывают в угол у входа.

Там она лежит до полного выздоровления. К тому же времени делаются приготовления „к укладке ребенка в колыбель¹ и приобщению роженицы к очагу“— эти обряды были чисто женским праздником. Мужчины, обыкновенно молодежь, принимали в нем только то участие, что представляли на выбор матери несколько придуманных ими имен для новорожденного мальчика, за что им высылалось на двор небольшое угощение.

В начале июля каждая семья, которая в продолжении года имела приращение мужского пола, считает своей обязанностью отпраздновать обильно и угостить наибольшее число родственников и соседей; это называется „справлять миску“ (кахцганан). Название такое праздник этот полу-

¹ Осетинская колыбель представляет из себя деревянную с перилами кроватку на поперечных полозьях в виде новолуния, на которых ее и покачивают с боку на бок. Посреди нижней доски кроватки имеется отверстие для костяной трубки, идущей сквозь постель. Это приспособление дает возможность ребенку мочиться, не подвергаясь частым пеленаниям.

чил, вероятно, потому, что мать новорожденного обходила всех своих по отцу и матери родственников с чашей (миской), собирая всевозможные подарки и припасы для этого праздника.

Если мать занята и не может покормить и унять своего ребенка, то предоставляется всем, кому угодно, возиться с ним: покачать колыбель, поддержать малютку на руках и проч. Лишает этого права осетинский этикет только отца малютки. Только в самом интимном кругу (жены и детей) или с глазу на глаз, позволительно отцу дать волю своим чувствам и поныньчить, приласкать детей. Если осетина-отца в прежние времена случайно заставляли с ребенком на руках, то он не задумывался бросить малютку куда попало. Боязнь быть заподозренным в неумении скрывать своей любви к детям доходила до того, что многие отцы не произносили никогда даже их имен. С моим отцом, когда он был еще ребенком, случилось следующее. На крыше четырехэтажного здания мать оставила его под присмотром отца. Ребенок, переползая с места на место, очутился у самого края крыши. Еще момент и он теряет равновесие. Дед, однако, успел наступить ему на рубашенку и мальчик повис над пропастью. Пока на крик ребенка не сбежались заметившие эту сцену соседи и не подняли его, верный традициям дед стоял, как вкопанный, и не сделал ни одного движения, чтобы освободить своего первенца от опасного положения. Я не помню, чтобы отец назвал меня когда-нибудь по имени. Говоря обо мне, он всегда выражался так: „где наш сын“, „не видал ли кто нашего мальчика“. Росли дети в громадном большинстве случаев грязными, полунагими, полуголодными. Девочек из хорошей семьи сватали очень часто в колыбели. Дети, конечно, об этом ничего не знали до времени и росли беспечно до 8—9-летнего возраста, когда мальчику поручали пасти ягнят, а девочке няньчить грудных детей и помогать по хозяйству матери.

В 13—14 лет мальчик становился помощником отца во всех отраслях хозяйства, а к 16 годам свободно управлял сохой, владел топором, серпом и косой. С этих же лет он делался „взрослым“, с правом голоса, членом семьи; с этого возраста он мог вступить и в брак.

Девочка до 13—14 лет тоже должна была пройти всю незамысловатую школу домашнего хозяйства и женского рукоделия, чтобы стать женою своего суженого.

Счастливая пора детства сокращена была здесь до минимума и лишена к тому же и сколько-нибудь интересных игр и развлечений. Кроме неизменной, кажется, у всех народов, куклы—чынды (невестка), девушки могли развлекаться

еще чуть ли не единственной женской игрой в пять камешков—дыччита. Игра ведется на полу, сидя, одной рукой, и состоит в раскладывании и схватывании 4-х камешков в те небольшие промежутки времени, пока подброшенный пятый камешек не пойман той же рукой. Прodelав это при различных расположениях камешков, игрок перекидывает все пять камешков на верхнюю поверхность кисти той же руки, а затем обратно в ладонь; число схваченных ладонью камешков заносится в счет выигранных очков.

Для забавы, в присутствии юноши, от которого хотят якобы скрыть содержание беседы, у девушек принят свой, так называемый „девичий язык“—чызджыты взаг, отличающийся от обычной речи тем, что к каждой согласной букве прибавляется гласная или некоторые слоги повторяются по два раза.

Мальчики располагают большим разнообразием игр и развлечений: сошки, чиж, лук, метание камня пращом, бег, катанье на коньках, борьба, купанье, рыбная ловля, устройство капканов для ловли воробьев и т. п.

Танцами наши предки занимались, видимо, не особенно охотно, так как дошедшие до нас виды этого развлечения очень не сложны; они были скорее выражением экстаза пирующих мужчин, чем развлечением молодежи. Девушки танцевали очень редко, а женщины совершенно не принимали участия в танцах, исключая разве расходившейся на свадьбе своего внука старушки.

Пение также было достоянием, главным образом, взрослого поколения и притом мужского. Это положение могло бы быть даже правилом без исключения, если бы его не нарушали юные 11—12-летние пастушки. Эти крошки, уходя с раннего утра за своим послушным стадом в горы, поднимаясь с ним по крутым скатам, карабкаясь по грудам скал, огибая повисшие над бездной утесы, ползая, как муравьи, над черною пропастью и, наконец, сладко разваливаясь на самом гребне горных высот, не могли, конечно, в этом постоянном одиночестве и созерцании величия и красоты окружающей природы, избежать могучих чар поэзии. Немногосложные, но полные неизъяснимой прелести перебивы звонкого детского голоса далеко разносятся по чистому упоительному воздуху, пробуждая далекое эхо и теряясь в тысячеголосном шуме водопада, затерявшегося во мгле глубокого ущелья. С приближением к аулу юный певец замолкает и уже никакая радость не может заставить его повторить свою любимую песнь при взрослых слушателях. Обычай не позволяет петь девушкам и женщинам. Требование это нарушается, однако, вдали от жилья, где-нибудь на мельнице, в лесу, за сбором ягод, орехов, кореньев и

проч.; в полном уединении от мужчин, в своей исключительно женской компании, расходившиеся на свободе молодые осетинки очень охотно отдаются этому развлечению. Надо заметить, что девушка, даже при этих обстоятельствах, не принимает в нем участия. Песни так же, как танцы, очень ограничены по числу, разнообразию мотивов и содержанию.

Сказки составляют достояние обоих полов и всех возрастов. Они многочисленны, разнообразны и художественны. Они всегда служили одним из самых приятных времяпрепровождений. Игра на двух- и двенадцатиструнной фандыр (род скрипки и арфы) и длинные повествования под их аккомпанимент были исключительной привилегией наиболее даровитых мужчин. Эта отрасль народного творчества особенно любима и полна прелести.

Ирад (калым). Прежде чем приступить к описанию интереснейшего обряда в осетинской жизни, я постараюсь изложить обстоятельства, сопровождающие сватовство.

Ирад является мерилем достоинства крови. Раз установленный, его нельзя изменить произвольно. Принимая за единицу ценности корову, размеры ирада в Нарской котловине распределяются так: Хетагуровы (Зидахановы, Мамиевы, Бырнацовы, Дзанаевы и Джиеовы), Цуциевы, Губаевы и Саутиевы брали по сто коров с следующим неперменным условием: двадцать коров выплачиваются коровами, пятьдесят шесть — чем попало: пашнями, медью, оружием, скотиной и проч. — по оценке выборных. Бык идет за две коровы, а пять баранов за одну. По ценности остальных двадцати четырех коров следует дать что-либо определенное — ниву, ружье или медный котел; последний должен весить 24 литра (литр=9 фунт.) Последняя категория носит специальное название: сар (голова).

Ирад остальных фамилий не ниже 25 и не выше 30 коров.

Нет сомнения, что ни одна семья не в состоянии сразу уплатить ирад в 100 коров. Его выплачивают со дня сватовства и до самой свадьбы.

Жених и невеста В 7–8-летнем возрасте жених может сделать первый визит в дом своей невесты.

Сопровождают его обыкновенно несколько сверстников-друзей и кто-нибудь из не близких родственников; идет он не с пустыми руками, а с бурдюком арака, бараном и шестью пшеничными хлебами, из которых три должны быть величиною с жернов осетинской мельницы (три четверти или целый аршин в диаметре). Кроме того специально предназначенные подарки — невесте шелковый грузинский платок и материи на платье. Матери ее тоже что-нибудь на платье.

Так как визитеры являются поздно вечером, то предупреденные хозяева встречают их с зажженными факелами, любезно приглашают в хадзар, сзывают родню и пируют всю ночь. Смущенный жених выстаивает все это время в сенях с 2—3 сверстниками, краснея от острот и замечаний молодых женщин и девушек, родственниц его невесты, которую, конечно, он не имеет удовольствия видеть между ними. Таков осетинский сгарст (посещение).

С этого дня жених остаётся в доме невесты от двух до четырех недель, где за ним ухаживают, как за родным сыном. Шьют ему шапку, черкеску, ноговицы и чувяки. Во время своего пребывания в доме тестя, жених должен во всей полноте обнаружить все свои достоинства, ловкость, вежливость, словом, все, что нужно для того, чтобы произвести самое лучшее впечатление. Услуживая всем и во всем, он никогда не садится при старших. Стоя у дверей хадзара, он всецело занят тем, чтобы предупредить малейшее желание членов семьи, особенно стариков. Ложась позже всех, он утром раньше всех на ногах. Ночует он обыкновенно с братом и родственником невесты, летом где-нибудь на крыше, в галлерее, а зимой в башне, если другого свободного помещения не имеется.

За ним больше всех ухаживают женщины, а в особенности будущая теща, благодаря чему он и ест сытнее и лакомится вкуснее других. В обществе женщин он развязан, подходит ближе к очагу и даже садится. Молодые женщины и девушки, в отсутствии тещи, устраивают ему свидание с невестой, не предупреждая ни ее, ни его. Иногда его зазывают туда, где невеста, не подозревая его близости и замысла подруг, сидит за шитьем.

После „сгарст“ жених может ходить в дом тестя когда угодно, хотя частые посещения и долгие пребывания там не в правилах хорошего тона.

Приближается осень, наступает ноябрь, начинается приготовление к свадьбе. За неделю до свадьбы невесте готовят наряд: длинный бешмет и рубаху, платье, застежки на груди и на рукавах, пояс, серьги, шапочку из красного сукна, отделанную галуном, шелковый платок поверх шапочки, красные штаны, чулки и чувяки. Стоимость наряда зависит, конечно, от состоятельности родителей невесты. Прикрыв голову и лицо куском красного сукна, невеста в сопровождении родственницы целую неделю обходит аулы. По красному сукну на голове не трудно узнать девушку накануне вступления ее в новую жизнь. Каждый делает ей посильный подарок с лучшими пожеланиями. Наконец наступает день свадьбы.

Свадьба. Прежде всего посылают гонца в дом родите-

лей жениха с покорнейшей просьбой „осчастливить сегодняшний вечер своим посещением“. Это простая формальность. Гонец, исполнивший поручение тестя, получает какую-нибудь награду.

Сопровождают жениха человек 10—12, от 20 до 40-летнего возраста, во главе с отцом жениха или ближайшим родственником. Сколько трудов и просьб стоит жениху набрать этих дружков! Чуть ли не за год он начинает комплектовать их. Происходит это потому, что зная, какое „сражение“ его ожидает на свадьбе, не всякий надеется на свои силы.

Вся родня невесты к 8-ми часам вечера уже в сборе. Старейшие из них ожидают гостей в хадзаре, а другие их приветствуют с пылающими факелами. Гости устраиваются в ряд по старшинству и, весело отвечая на приветствие хозяев, принимают подносимый им наполненный араком рог, молятся о счастливом исходе и до дна осушают чашу за благополучное прибытие. Затем их приглашают в хадзар. Не нарушая порядка и ободряя друг друга, они входят и приветствуют стариков, усаживаясь по возрасту и беседуя о злотах дня; молодежь говорит только шопотом.

Первое место занимает старший из родственников невесты, вторым сидит старший из гостей, и дальше только посторонние гости, все же родственники невесты стоят, а молодежь прислуживает. Общество жениха в сенях составляют два-три парня.

Перед гостями ставятся круглые столы, на каждом из них по три прожаренных в масле пирога с сыром (уоливых), к ним подаются шампуры (вертелы) с шашлыком из внутренностей бычка и барашка. Шампуры раздают сначала старшим; самому старшему подают вместе с шампуром и рог с араком. Все встают. Наступает молчание и старческий голос мерно и отчетливо произносит молитву.

После каждой его фразы раздается хором: „Оммен, оммен, хуцау“ (аминь, аминь, господи)! Следующий произносит более краткую молитву, третий старается быть еще скромнее. Шашлыки нарезаются на столах. Кусок его с пирогом и полным рогом посылается в сени жениху. Все сядут за трапезу. Второй рог старик принимает уже сидя; после краткой молитвы святому Георгию победоносцу, старик просит передать рог самому младшему из гостей. Тот встает и, приняв рог с благодарностью, делает из него один глоток и возвращает прислуживающему, который затем обносит от младших к старшим. После одного-двух еще тостов происходит перерыв, довольно продолжительный, а затем сядут в том же порядке. На длинных низких столах разложены разные яства, главным

образом, вареное мясо. причем лучшие куски кладутся перед старшими. Начинаются опять тосты, дальше появляется турий рог с пивом, начинается пиршество. Вся цель хозяев—споить гостей, последние должны выдержать такую атаку, не проявляя опьянения. Раздаются песни, тосты проходят под веселый мотив с дружеским хлопанием в ладоши.

Пир близок к концу; уже за полночь тосты идут двойные и тройные—турий рог с одним воловьим рогом и турий рог с двумя воловьими рогами; в последнем случае турий рог помещается под мышкой левой руки,—випивают сначала арака, а за ним пиво—все под веселый напев с дружным хлопанием в ладоши. Доходило даже до четырех рогов—два тура под мышкой и по быку в каждой руке. К часу ночи получается какой-то хаос.

Шум, пляска и игры не прекращаются. На женской половине невесела только одна невеста, все происходящее вокруг нее кажется ей сном, видением.

Между тем хозяин отделил гостей и их всех уложил спать... Спят долго... Завтрак уже готов, а из гостей многие еще не просыпались, пришлось растолкать их...

— Ну, что вы нам принесли в мешке?—весело встречает их хозяин. Те достают мешок со всякого рода подарками, передают его хозяину и затем также весело сами спрашивают его:—а где же наша доля? Пора и ее завернуть.—Выносят все приданое невесты: бешмет и черкеску для отца жениха, длинный женский бешмет для свекрови, штуку белого сукна, локтей 18—20, гостям на ноговицы, от 8 до 12 бешметов мужских и женских для родни жениха, целую кожу гостям на обувь и множество мелких вещей—тесемки, галуны, кисти и т. д. Очень часто из подарков, принесенных гостями в мешке, некоторые возвращаются и попадают в приданое. Окончив это, гости отправляются завтракать.

Затем из женского отделения удаляют всех, исключая невесты и двух пожилых женщин, которые чуть не волоком тащат туда жениха и сажают его рядом с невестой. Перед ними ставят столик с тремя пирожками, которые должны быть съедены исключительно женихом и невестой. Картина в высшей степени комичная, если принять во внимание, что жена и муж за всю свою жизнь только в этом случае садятся за один стол.

Затем шафер „кухылхацаг“ (руководящий невестой) встает из-за стола. Несмотря на просьбу хозяев, он оставляет пирующих и отправляется на женскую половину. Не дружелюбно встречают его здесь, толкают, бьют и не подпускают к невесте, чтобы промедлить хоть лишние полчаса. Он просит взятку, ему дают какую-нибудь безделушку. Но

вот проходит и этот срок, шафер встает и уже не соглашается ни на какие сделки. Начинаются долгие прощальные объятия (целоваться не принято), невеста дает полную волю слезам, плачут и другие.

Шафер начинает освобождать „свою сестру“ из объятий подруг и родственниц. Установив порядок, он обнажает шашку и берет правую руку невесты. Сотни самых искренних пожеланий и горячих молитв приветствуют со всех сторон. Невеста спускает свой платок, а любимая подруга накрывает ее голову поверх платка красным сукном.

Шафер делает шашкой знак, все расступаются и дают дорогу „брату и сестре“.

— Фарн фацауи! (мир, благодать грядет к вам) — возвещает шафер в дверях хадзара.

Шафер ведет невесту вдоль правой стороны очага и ставит ее в угол. Все снова садятся и возобновляются тосты.

— Ну что же, тещушка, — обращается шафер к отцу невесты, — в чем твоя дочь станет греть воду, чтобы мыть себе голову?

Медный котел подается в ответ на вопрос шафера. Зятю своему тесть делает более ценный подарок — ружье или шашку. Затем шафер подходит к невесте и обнажает шашку. Все встают. С молитвой на устах шафер обводит невесту три раза вокруг очага, ударяя шашкой при каждом обходе в висящую над очагом цепь. Невеста, обходя с ним вокруг очага, делает приседания, очень похожие на реверанс. Затем, при громких пожеланиях всех присутствующих, шафер с невестой выходят из хадзара и при ружейных выстрелах оставляют аул. Жених тем временем уже далеко впереди. Но перед тем, как шафер оканчивает обряд обхода очага, молодежь в сенях бросается на жениха и бьет его чем попало. Защищая, главным образом, голову, он кое-как освобождается от толпы и, избитый иногда до синяков, убегает в дом своего шафера, который также не гарантирован от тумачков. Столы еще не убраны, а вставать из-за стола раньше старших считается неприличным. Надо „подкупить прислуживающих“; каждый гость в этом случае считает своею обязанностью положить какую-нибудь вещь на стол (огниво, нож, пули, порох и т. д.). От стариков не принимается ничего. Удовлетворенная таким порядком прислуживающая молодежь освобождает наконец своих гостей. Выпив еще по одному рогу во имя покровителя путников (святого Георгия победоносца), гости догоняют шафера с невестой. Невесту, кроме дружков, сопровождает какая-нибудь пожилая родственница или ее кавдасард, чтобы прислуживать ей в первое время.

Если невесту ведут мимо другого аула, то жители его, желая почтить „свадебный поезд“, открывают пальбу из ружей. Приближаясь к своему аулу, дружки возвещают о себе выстрелами, на которые из аула отвечают более продолжительной и усиленной пальбой. С знакомым уже читателю возгласом шафер вводит молодую в новую семью. Хадзар тем временем уже полон народом. Шафер с известными уже приемами обводит три раза вокруг очага молодую, потом подводит ее к свекрови; молодая низко кланяется и омазывает маслом чужья старухи, которая в свою очередь посыпает ей поверх сукна голову порошком солода. Делается это в знак безграничной покорности со стороны молодой и в знак пожелания сладкой жизни со стороны свекрови. По окончании этого обряда молодую ставят в угол и дают ей взять на руки ребенка—мальчика, которому за это полагается особый подарок. Затем шафер уводит „сестру“ в приготовленный для нее уат, в исключительно женское общество. Так же закрытая, безмолвная стоит она в углу на войлоке и слушает несмолкаемый шум, говор и беззаботный смех своих новых родственниц, подруг и соседей, не принимая участия ни в пляске, ни в разговорах, ни в шалостях своих однолеток. Шафер возвращается в хадзар. Все присутствующие, не исключая старух и стариков, становятся в круг, берутся под руки и начинают танец вокруг очага с песней и припевом „ой-алай“, хлопанье в ладоши и в доску. Пляшущие доходят до такого экстаза, что стреляют в потолок и всячески стараются выразить свою радость. Затем все, исключая молодежь, занимают соответствующие возрасту места. Появляются столики, пироги, мясо, арак, пиво, между прочим, и шесть пирогов, три больших и три поменьше, которые были принесены от тестя. Во время обеда парни силою приводят жениха и, вытащив его в сени, посылают депутатов к старикам с требованием выкупа за пленника; им высылают порцию арака и съедобного; освобожденный жених убегает к шаферу.

Вечером шафер снова вводит молодую в хадзар; к головному убору присоединяется еще кусок коленкора между сукном и платком; шафер снимает красное сукно и передает его свекрови, затем обнаженной шашкой снимает коленкор и вешает его в угол, где висят такие же куски коленкора от прежних свадеб. С этой вешалки его уже не снимает никто никогда. После этого шафер опять уводит свою „сестру“ в ее помещение, где она остается до ужина. Во время ужина она уже не стоит в углу, а держится поодаль, как младшая в семье, и не прислуживает. В эту же ночь, как осторожный вор, пробирается жених к своей брачной постели.

Семейная и общественная жизнь. Итак, перед нами 14-тилетняя женщина; вместо чуба у нее два локона; вместо шапочки—платок, и повязан он так, что кроме глаз и носа, ничего не видно. Никто не слышит ее голоса, никто не видит ее сидящей. Встает она раньше всех, везде подметает, убирает, всем прислуживает, ест наскоро и позже всех ложится спать.

В продолжении двух месяцев она не показывается нигде в ауле. Первый выход ее носит праздничный характер. К ней собираются девушки и молодые женщины, с которыми она отправляется по воду с небольшим деревянным ведерочком или с кувшином. На берегу шумящего горного потока они устраивают пляски, в которых молодая не принимает участия. С этого дня она уже свободно исполняет все свои обязанности вне дома.

На ее плечах все заботы о семье у домашнего очага, она должна всех обшить, напоить и накормить. Она полновластная хозяйка всех съестных продуктов и напитков. Мужчина почти гость в доме, он ей доставляет дрова, смотрит за скотиной и проч; но он, как гость, и ест плотнее, и ложится раньше, и встает позже; жена пока не снимет обуви у мужа, никогда не ляжет спать.

Зато все работы вне домашнего очага почти всецело лежат на обязанности мужчины. Женщина помогает ему в доставке навоза на пашни и плетенок на сенокос. Полоть и жать это их общий труд. Исключая платья, женщины не имеют никакой собственности, ни от отца, ни от мужа ни что не переходит к ней по наследству. Она трудится ради того, чтобы ее кормили, одевали и по смерти похоронили в установленном обряде. Все это делает отец, пока она девушка. По выходе замуж это ложится на мужа, в случае его смерти—на детей, а если их нет, то опять на отца и братьев ее.

При разводе по вине жены, отец ее возвращает весь ирад, да еще в виде неустойки известное число коров; если же развод состоялся по вине мужа, то ему возвращается только часть ирада в размере от 54 до 126 коров. Дети безусловно принадлежат мужу, даже ребенок, родившийся в первый год после развода, отбирается мужем. Развод считается окончательным только тогда, когда муж сделает выстрел из ружья и пригласит всех слышавших этот выстрел свидетелями. К счастью, такие случаи очень редки.

Овдовевшей женщине предоставляется следующий выбор: она могла всю жизнь оставаться вдовой и не покидать семью покойного мужа; могла сделаться женой его брата и, следовательно, опять оставаться в той же семье; могла, наконец, выйти опять замуж за другого, хотя ирад за вдову

был гораздо меньше. На первое она соглашается, когда у нее есть дети мужского пола. На второе — если брат мужа холостой или вдов. Если же она выбирает последнее, то покидает дом родных мужа и расстается с детьми, которые признаются безусловной неотъемлемостью фамилии.

Матери, оставшейся жить с сыновьями, предоставлялась на случай раздела полная свобода выбора любого из сыновей. Часть, которую сыновья выделяли на ее похороны, передавали выбранному ею брату и тогда его нравственной обязанностью было кормить и одевать ее, а на случай смерти предать ее земле по установленному обряду.

Крайний недостаток земли, вызывая нескончаемую ожесточенную борьбу за существование, ставит в необходимость фамилию не раздроблять имущества по женской линии.

В случае раздела, пайщиками были только братья; племянники, если отец их жив, не получали ничего, а если он умер и они хотят отделиться от дяди, то получают только один пай, хотя бы их было пятеро. Хадзар, одна пашня, один бык, одна корова и десять овец — переходят по праву старшинства старшему брату помимо пая; только юноша племянник получал некоторую долю в уплату калыма. Пока отец жив, сыновья его не смеют и мечтать о разделе. Вот почему в Осетии прошлых времен часто встречались семейства в двадцать пять-тридцать душ. Патриархальность была полнейшая, уважение к седине, покорность к старшим и беспрекословное исполнение их воли — вот основа их семейной жизни.

„Лошадь, ружье и молодая жена требуют ухода“, гласит осетинская поговорка.

Если от молодой женщины вежливость требует уступать дорогу мужчине, вставать при его появлении и не садиться в его присутствии, то тем более от молодого осетина она требует того же по отношению к старшей, чем он, женщине. Если появление старика везде и всюду поднимает на ноги сидящую толпу, то тем более это толпа обязана встать при виде старухи. До каких бы пределов не дошло опьянение пирующих мужчин, как бы развязно не вела себя компания молодежи, как бы сильно ни было ожесточение ссорящихся, дерущихся и сражающихся — одно появление женщины обуздывает буянов, останавливает и прекращает кровопролитие. Двусмысленное слово в присутствии женщины, неосторожное движение во время танцев, непристойная развязность с девушкой — вооружает против провинившегося всю молодежь. Если удастся убийце прокрасться к матери убитого и надеть на себя ее платок, тогда уже никто из родственников покойного не имеет права мстить ему — он признан братом им же убитого. В осетинском на-

родном праве прежних времен даже не было предусмотрено похищение девушки и изнасилование.

Женщина пользуется большим почетом, чем мужчина; если они вдвоем идут рядом, то женщина идет справа, если с нею двое мужчин, то она идет между ними. У всех северо-кавказских туземцев место, которое в этом случае занимает женщина, принадлежит, как самое почетное, старшему из них.

Всякий осетин и вообще горец, не нарушая правил гостеприимства, принимает путешественника очень любезно и по мере сил и возможности сделает все, чтобы только угодить ему. Но вместе с тем он всячески старается, чтобы никто не заглянул в сферу его семейного и общественного быта.

„Гость—божий гость“, говорят осетины. И, действительно, при наших путях сообщения и всеместном разбое, попасть из одного ущелья в другое—равносильно явлению с небес.

Когда вы идете по аулу, сидящий встает при вашем приближении, говорящий замолкает, занятый работой бросает ее, чтобы приветствовать вас, точно старого знакомого. Перед домом, в который вы получили приглашение войти, встречает вас старейший член семьи и вводит вас в уазагдон.

Поверия. Кажется, ничто так сильно не укоренилось в понятиях осетина, как вера в загробную жизнь. Но какова эта вера! „Неужели,—говорит осетин,—и тот, который летом не имел бурки, а зимою—шубы, тоже причислен к загробной жизни?“

Зырдон (ад) страшен, как изобилующий ужасными наказаниями. У входа в ад привязана к цепи сука, у которой из живота лают щенки, так как она занималась кражей, кусалась исподтишка и никому в ауле не давала покоя. Тут же муж и жена лежат рядом на громадной воловьей коже и накрыты такой же величины другой воловьей кожей; муж с руганью тянет кожу к себе, жена с такой же бранью тянет к себе, и оба никак не могут укрыться,—они всю жизнь ссорились и дрались, не давая соседям покоя. Далее стоит в стороне женщина с повязкой на шее из змеиной кожи, а на голове кожа лягушки,—она в период траура тайком ела скоромное и тем обманывала своих покойников. Далее из скалы сыпется щебень,—это женщина зашивает трещины скал за то, что она для своего мужа шила плохо, всегда на живую нитку, а своему любовнику шила старательно. Далее лежит женщина навзничь и на груди ее два огромных жернова мелют кремневые камни—за то, что она, заведя мельницей, из чужих мешков воровала муку. Далее женщина в огромный, как гора, чан сливает из кадушек молоко, которое с шумом водопада

несется в чан, но не наполняет его,—в наказание за скредную жизнь этой женщины. Далее мужчина из глубокого каменистого рва тащит наверх камни и не может донести ни одного, такое наказание он несет за то, что с соседями своими, измеряя участки пашни, себе отмерял больше, чем другим. Затем на зеленом лугу два быка щиплют усы и бороду мужчине за то, что он, при совместной работе с соседом, своим быкам клал отборное сено, а соседским—бурьян. Дальше открывается море, по середине которого голый островок, лезвие ножа служит мостом к островку, на острове видна скорлупа вороньего яйца, которая служит жилищем грешнику; с игольное ушко отверстие в скорлупе служит дверью ему: он жил на земле замкнуто, ни одного гостя не принял за всю свою жизнь, ненавидел людей, истязал семью и выгнал жену с детьми из дому. Еще далее из льда торчит голова молодого человека, который часто ходит к жене своего приятеля. Затем виден ледяной замок, в нем на ледяных креслах сидят три старика, перед ними ледяной стол, в руке каждого ледяная палка; каждого бреют ледяной бритвой,—за то, что люди им доверяли решать свои дела, а они все решали вкривь и вкось. Дальше начинаются картины райского предверья. Здесь муж и жена лежат рядышком, под ними заячья кожа и накрылись они тоже заячьей кожей, на них это хватает с излишком, они всю свою жизнь провели в любви и мире.

Далее опять замок, но только серебряный, сидят в нем на трех серебряных креслах три старца с длинными белыми бородами и у каждого в руке серебряная палка, говорят они все о правде,—эти на земле были тоже судьями, но правдивыми, добрыми и честными. Дальше уже виднеются золотые ворота рая, где все благоденствуют.

Когда мать оплакивает умершего ребенка, она называет его сиротой и советует ему избегать встречи с такими-то (называя имена умерших детей), так как они побьют его гибкой хворостиной... „Ты пооди тогда к такому-то (называет какого-нибудь родственника) и он тебя защитит от злых детей“...

Отношение к больному. Весть о заболевании не только взрослого, но и ребенка, собирает и из дальних аулов охотников навестить больного. Никакая заразительная болезнь не может остановить посетителей. „Помимо воли божьей никто не заболевает и не умрет“.

Тяжело больного знакомые и родственники не оставляют ни днем, ни ночью. По ночам дежурит, главным образом, молодежь. Чтобы отвлечь больного от мысли о болезни, они стараются быть веселыми, рассказывают сказки,

играют на осетинской фандыр и небольшой двенадцати-струнной арфе, и под аккомпанимент распевают легенды о нартах, Даредзанах и других мифических героях.

Любопытство женщин проявляется даже в последние минуты умирающего. Они расспрашивают его о покойниках, — не видит ли он того-то? что делает такой-то? не голодает ли? что его окружает? и т. д. Такими вопросами они настраивают больного до такой степени, что он начинает отвечать им.

Оплакивая покойника, к нему иногда обращаются с проклятием — „судзга фабадай“ (сидеть бы тебе в огне) за то, что он покинул малолетних детей, оставил несчастных стариков без потомства и т. д. В случае смерти оповещаются все соседние аулы, стекаются тысячи готовых разделить горе и скорбь безутешных родственников. Но и здесь осетинский этикет не остается бездействующим. При всем своем несчастье отец не должен оплакивать своих детей, муж — жену.

Похороны. После омовения покойника с головы до ног, его одевают во все новое, платье ему начинают шить, как только безнадежность больного становится очевидной. Гробы вошли здесь в употребление недавно.

До дня похорон покойник оставался на скамье в хадзаре; его окружали исключительно женщины. По мере скопления народа все должно делаться в установленном порядке. Женщины становятся вереницей около покойника и в такт бьют по щекам, приговаривая: „да-дай, да-дай“. Затем одна из женщин нараспев приговаривает, а все другие отвечают ей хныканьем и истерическим плачем.

Мужчины собираются на дворе и также имеют свой установленный порядок для выражения скорби. Они попарно приближаются к хадзару с изготовленными для этого обряда плетями и, переступив через порог, бьют себя этими плетями через голову по голой шее. Выходя, они передают плети другой паре и т. д. Малознакомые с домом покойного выражают свое соболезнование более просто: сопущенной головой и руками, они тихо вступают во двор покойника и, простояв с минуту неподвижно, делают левой рукой печальное приветствие. Их благодарят и они примыкают к общей массе.

Похороны происходят на вторые сутки, а если они сопровождаются поминками, то на третьи и даже четвертые. Во все время около покойника не прекращается плач женщин, а во дворе не уменьшается численность мужчин. Утренние посетители сменяют бодрствовавших всю ночь. Какая бы рабочая пора ни была, при вести о покойнике каждый считает своею обязанностью бросить работу

и отдать последний долг отходящему, а иногда и отъезжающему в загробный мир; последнее выражение употребляется, когда покойника провожают на кладбище с оседланной лошастью, с заряженным ружьем, шашкой, кинжалом и пистолетом.

Вынос тела происходит всегда до захода солнца. Несут его на носилках четыре, а иногда и шесть человек на плечах; за ними ведут лошадь, увешанную оружием; затем идут мужчины и в некотором отдалении от них женщины. По дороге к кладбищу на более просторном месте процессия останавливается для литии. Едва успевают опустить носилки на землю, как вереница женщин уже принимается опять за хлопанье себя по щекам, мужчины тоже вновь проделывают попарно битые плетью своих шей. Более близкие родственники здесь же обрезают себе косы и кладут их рядом с покойником. Здесь же раздаются всем желающим носить траур женщинам куски черной материи.

Затем из толпы выступал старик и с рогом арака произносил напутственное слово. По окончании всех этих обрядов покойника уносят на кладбище. Если он был жертвой убийства, то его провожают залпами выстрелов, в противном случае производят только один выстрел из его ружья. На кладбище его уже никто не провожает; несколько носильщиков доносят его до кладбища и опускают в семейный склеп. Кладбища обыкновенно находятся далеко от аулов. В некоторых аулах зимою положительно нельзя добраться до кладбища, и покойники до весны остаются в аулах, зарытыми в солому. Все работы, необходимые для предания земле покойника, исполняются безвозмездно.

Надевая траур, женщина отказывается от скоромной пищи; постится она, смотря по степени родства с покойником, от одной недели до 12 месяцев. Поминки устраиваются довольно часто и настолько роскошно, что иногда приводят к разорению. Зарезать, например, в один день до 30 голов рогатого скота, до 150 баранов, сварить 500 ведер пива и до 100 ведер арака, испечь до 3000 пшеничных хлебов,—было нелегко в Нарской котловине. Однако, некоторые фамилии не задумывались над этим.

Обычное право. Кому приходилось следить за практикой кавказских окружных судов, тот не мог не обратить внимания на своеобразность уголовных процессов, где участниками являются наши туземцы и в частности осетины.

Судится убийца, который никогда ни в чем предусмотрительном не был замечен.

— Вы признаете себя виновным?—спрашивают его через переводчика.

— Я убил, но я не виновен,—отвечает он переводчику, который передает его слова так: „да, признаю“.

— За что же вы убили,—положим,—Мусса Гадаева?

— Его нива находится около нашего хадзара; каменная ограда ее в одном месте развалилась, мы ему каждый день советовали починить свой забор, иначе наша коза или теленок по недосмотру заберется на его ниву.—Хорошо,—говорил он,—завтра починю. На другой день мы опять напоминали, а он все—завтра, да завтра. Так прошло две недели, мы просто измучились караулить своих телят. Однажды из нас никого не было дома, оставались только старуха мать и дети. Пока она доила коров, дети не сумели удержать коз, и две из них забрались на ниву. Мусса в это время возвращался с работы мимо нашего дома; он заметил коз и стал бранить покойников того, кому принадлежат эти козы. Мать, выгоня коз, объяснила ему, что козы наши, и что так ругаться нехорошо. Но Мусса продолжал ругаться; мать ушла, чтобы его не слышать... В это время я пришел с работы. Когда на мое приветствие он мне ответил той же руганью, тогда я обругал его... Он был сильнее и, если бы со мною не было кинжала, то он убил бы меня вилами.

Я нарочно обратил внимание читателя на этот, очень часто повторяющийся, ответ убийц в кавказских судах, который совершенно ускользает из внимания суда, а иногда вовсе не передается переводчиком.

Все дело в том, что мы не можем смотреть на покойников, на загробную жизнь с осетинской точки зрения и сотни убийств объясняем врожденной кровожадностью. Нет, это не кровожадность, а долг, по которому осетин скорее согласится умереть или убить, чем отдать на поругание покойников.

Убить и умереть для осетина минувшего времени было синонимом; убивая сегодня, он знал, что сам тоже будет убит, если не завтра, то послезавтра или через неделю. Прежде чем оплакивать убитого, осетины оплакивают убийцу.

Воровство считается ремеслом очень позорным, да и воровать не имеет смысла: утварь и оружие охраняются зорко; украсть хлеб—святотатство; украсть лошадь не стоит, так как трудно сбыть ее. Редкие случаи воровства мелкой и крупной скотины для пищи—всегда раскрываются очень просто: потерпевший запугивает подозреваемого каким-либо святым и получает украденное добро, или прибегает к следующему способу обнаружить вора: в поминальный день, на третьей неделе великого поста, когда бывает особенно большое стечение народа, потерпевший

является на сборище с кошкой или собакой и громко заявляет: „Эту собаку я сейчас зарежу в поминование покойников того, кто украл у меня телка, и кто, зная вора, не укажет его“. — Не делай этого, — отзывается тогда виновный, — не пропадет твое добро“ — и, действительно, не пропадет: виновный выплачивает стоимость украденного. Таким образом воровство было почти займом без предварительного согласия заимодавца; „долг“ этот выплачивался.

В прежнее время ограбление осетина осетином даже не было предусмотрено обычным правом. Но делать набеги за перевалы и грабить инородцев ставилось в заслугу. Потрава сена и хлеба вознаграждалась таким же количеством сена и хлеба. Простое нарушение общественной тишины и порядка, попросту — драка без поранения, оканчивалась примирением; виновный должен был пригласить обиженного с несколькими друзьями и угостить их. Самый обширный отдел в обычном праве осетин занимают поранения и убийства. Всякое поранение, имевшее последствием членовредительство, подводилось под строго определенный параграф.

1. Поранение головы с повреждением черепа ценилось в 18 коров.

2. Рана, простиравшаяся до лба настолько, что шапкой нельзя было прикрыть шрам — 18 × 9 коров (у осетин 18 коров представляли из себя нечто вроде единицы меры).

3. За повреждение большого пальца платили 9 коров, за указательный — 6 коров, за средний — 5, за безымянный — 4, за мизинец — 3. За повреждение правой ноги — 15 — 18, смотря по степени повреждения, левой — 15. Помимо этого виновный должен был лечить больного на свой счет, а по выздоровлении его должен был устроить угощение (финг). Размеры расходов на это угощение тоже строго определялись посредниками, хотя излишек щедрости не возбранялся.

К сожалению, драка и поранения не всегда оканчивались примирением. Потерпевший мог быть слишком злопамятным и не всегда соглашался на примирение, а хотел во что бы то ни стало выместить обиду. Такое злопамятство нередко было причиной убийства.

Отомстить за кровь или, как говорят осетины, взять свою кровь, вовсе не значит убить самого убийцу, который мог быть хромым, косым, горбатым или старым: нужна жертва, если не большая, то по крайней мере равная ее потере. Вот почему вся фамилия такого убийцы попадала в осадное положение, и если противники были сильнее, то без вины виноватые никуда не показывались, пашни и сенокосы их оставались невспаханными и нескошенными; хлеб,

если он еще был на корню, выкашивался или вытаптывался, скотина их падала под выстрелами и ударами шашки. Осажденные очень часто из амбразур башни наблюдали за проделками своих врагов, и если они приближались на ружейный выстрел, то их обстреливали. Вот на такие-то черные дни нужны были друзья, которые уводили на хранение и прокорм скотину, доканчивали полевые работы и даже снабжали осажденных съестными припасами. Но еще больше были полезны женщины, которые, не подвергаясь мести, работали за себя и за мужей, были по ночам сторожами, обходя даже пашни и мельницы. Женщина вообще была якорем спасения, как для своих, так и для посторонних. В ее присутствии убийца мог не бояться за свою жизнь.

Бывали случаи, что враги, с вечера засев где-нибудь поблизости, с рассветом шли штурмом на аул. Осажденные делали вылазку и перестрелка завершалась рукопашной схваткой. В этой отчаянной игре страстей женщина в трауре была настоящим талисманом—стоило ей только в самый разгар кровопролития войти в толпу ожесточенных врагов, как все расступались, вкладывали окровавленные шашки в ножны и расходились.

Для окончательного прекращения вражды врагам предлагали свои услуги, в качестве посредников, представители двух других сильных фамилий для того, чтобы достигнуть перемирия в виду похода в Грузию для разгромления какого-нибудь княжеского поместья, или наступления полевых работ.

На случай нарушения договора о перемирии, поручители должны были выдать лучшего из своей фамилии тем, за неприкосновенность которых они ручались, в противном случае потерпевшие имели право зарезать собаку на их фамильном склепе. С какого бы дня не начиналась порука, она оканчивалась всегда в воскресенье вечером. Когда срок оканчивался и когда последние лучи солнца достигали горных вершин, приходили поручители и говорили своим доверителям: „Смотрите, солнце зашло“, т. е. срок поруки окончился. Однако, наши предки этим не удовлетворялись и очень часто достигали окончательного мира.

За неумышленное убийство убийца отвечал так же, как за преднамеренное.

Если преступление было совершено чужим оружием, то владелец оружия отвечал уплатою 18 коров.

Если ружье, которым было совершено преступление, было заряжено одной пулей, то мститель не имел права зарядить ружье двумя пулями, иначе он отвечал также 18 коровами. Истязание не имело места, средства кровомщения не должны были превышать жестокости первого убий-

ства; неисполнившие этого отвечали во время примирения соответственным числом коров.

Убийство женщины никогда не наблюдалось, хотя оно могло быть благодаря шальной пуле, во время перестрелки. За нее не мстили, потому что сам убийца делался мучеником такого непредвиденного несчастья. Кровь женщины оценивалась в 18×9 коров, которые делились между мужем и ближайшим родственником ее по рождению. За мальчика мстили, как за взрослого мужчину, за девочку платили, как за женщину. „Взять свою кровь“ было обязанностью до того священной, что выполнение ее сопровождалось празднеством.

Примирение кровников. Старики выдающихся фамилий, игравшие как в семейном, так и в общественном быту первенствующую роль, заменяли осетинам высшее судебное учреждение. Предварительно убедив врагов заключить перемирие, старики усиленно старались уговорить их согласиться на окончательное примирение. Получив согласие, они назначали день, в который весь мужской персонал враждующих должен был явиться на переговоры. Обе фамилии являлись вооруженными и занимали назначенные им пункты на расстоянии $\frac{1}{2}$ — $\frac{1}{4}$ версты одна от другой. Начинались переговоры, во время которых должен был выясниться состав присяжных. Лицо, не пользовавшееся полным доверием обеих сторон, не могло участвовать в составе присяжных. Число последних зависело от сложности дела; обыкновенно их было от шести до восьми человек; помимо их истцу предоставлялось право выбора еще одного судьи. Главное затруднение было в выборе членов присяжного суда, а самое судопроизводство не составляло особенных затруднений, благодаря точности требований осетинского обычного права. Надо было только точно подвести итоги причиненных враждовавшими друг-другу повреждений и убытков. Самая кровь имела строго определенную ценность.

Кровь наиболее почетных фамилий ценилась 18×22 коров.

Кровь влиятельных фамилий оценивалась в 18×20 ; фарсаг— 18×15 ; для кавдасарда не было установлено никакой ценности, да и убить его никому не было охоты.

Уплату потерпевшему вышеприведенной пени считали недостаточным,— надо было враждовавших, насколько возможно, гарантировать от столкновений и на будущее время. Для этого старались породнить их посредством брака, выдав ближайшую родственницу убийцы за такого же родственника убитого. Если это удавалось, то для ирада с оценки крови скидывали 18×2 коров. Остальная ценность крови распределялась между убийцей и его родственниками

так: самые отдаленные родственники уплачивали 15 коров, более близкие—18 коров. Все остальное распределялось поровну. Не трудно понять целесообразность такой круговой ответственности.

Убийцами в большинстве были молодые люди, но их зависимость от старших была настолько сильна, что они почти не совершали преступления без ведома старших и без семейного совета всех родственников. Вот почему за их „шалости“ отвечали три поколения, как соучастники, а две родственные ветви, как оказавшие им содействие.

Уплата штрафа за убийство распределялась следующим образом: одна треть скотиной, другая оружием, третья — медными котлами. Оценка всего имущества предоставлялась тем же присяжным. Вещь, побывавшая уже в уплате крови, шла по прежней цене. Рассрочка устанавливалась на срок от одного до полутора года с определенными промежутками и строго установленными размерами взноса.

Когда оставалось выплатить только 18 или даже 9 коров, словом, приближался окончательный срок „погашения штрафа“,— убийца приступал к приготовлениям большого фынга: варил пиво в котле, резал быка, и пять баранов, гнал соответственное количество арака и пек потребное число пшеничных хлебов.

Собирались все лучшие представители враждовавших фамилий. Наиболее почетные места занимают присяжные. Место председателя занято старейшим из фамилии убийцы, дальние родственники стоят и прислуживают. Убийцы нет в хадзаре. Голод и жажда утолены, разговор оживился. В хадзар входит молодой человек, держа обеими руками над головой турий рог, прикрытый куском шелковой материи, локтей десять длиною. Все встают, водворяется глубокое молчание. Вошедший — убийца, он останавливается против ближайшего родственника своей жертвы и с волнением говорит приблизительно следующее: „Прости мне... я поступил необдуманно... одной рукой я отрубил себе другую... я сознаю свою вину, но сделанного ведь не вернешь, а потому прости мне... не отворачивайся от меня... говори со мной... считай меня преданным другом, — я оправдаю твое доверие“ и т. д. С этими словами он передает ему турий рог.

— Да простит тебе бог,— отвечает тот, принимая от него „тура“, а я тебе прощаю в присутствии вот этих свидетелей; никакого зла я тебе причинять не буду. Перед богом и людьми с сегодняшнего дня ты мой друг. Затем, передав материю соседу и сделав несколько глотков из рога, наполненного пивом, он передает его гостям. Затем начинаются тосты и мир заключен.

Редактор БАГАЕВ Э. С.
Корректор БУШАРОВА

Сдано в печать 1939 г. Уполн. Облита № 231. Заказ № 14
Тираж 2500. Формат 65X94 $1\frac{1}{16}$ $2\frac{1}{2}$ печ. л.

Типография Госиздата Юго-Осетии А. О. г. Сталинир.

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
4	1 снизу	по оводу	по поводу
11	4 „	хазна,	хазна,
12	8 „	времени	времени.
22	11 „	невеста	невеста.
25	16 „	отправляютс-	отправляются
37	1 сверху	примидения	примирения

ЦЕНА 1 РУБ. 50 К.

Благавин

САВШИ

Малекс 700

Цена 50к.